

Хилари Мантел

УЧИТЬСЯ
ГОВОРИТЬ
ПРАВИЛЬНО

INSPIRIA

Москва

2024

УДК 821.111-32
ББК 84(4Вел)-44
М23

Hilary Mantel
LEARNING TO TALK

Copyright © 2003 by Hilary Mantel
All rights reserved.

Перевод с английского *Ирины Тогоевой*

Фотография на обложке:
© Haywood Magee / Gettyimages.ru

Мантел, Хилари.

М23 Учиться говорить правильно / Хилари Мантел; [перевод с английского И. Тогоевой]. — Москва : Эксмо, 2024. — 192 с.

ISBN 978-5-04-174712-1

Сборник рассказов двукратного лауреата Букеровской премии.

Эти острые, порой смешные, взятые из жизни истории относятся к началу 1950-х годов. Их герои обитают в замкнутом мирке фабричного поселка на севере Англии, где местность «исхлестана жестокими ветрами и грубыми сплетнями».

В рассказе «Король Билли — джентльмен» главному герою предстоит смириться с потерей отца и неразрешимой загадкой угасающего ирландского наследия. «Путь красоты извилист» повествует о силе дружбы и (почти) катастрофе на свалке. В истории «Учиться говорить правильно» Хилари Мантел исправляет свой северный говор с помощью бывшей актрисы, у которой «только одно легкое» и «весьма заметный манчестерский акцент», а героиня рассказа «На третий этаж» с изумлением наблюдает, как ее мать обретает новую личность, невзирая на предрассудки.

УДК 821.111-32
ББК 84(4Вел)-44

© Тогоева И.,
перевод на русский язык, 2024
© Оформление.

ISBN 978-5-04-174712-1

ООО «Издательство «Эксмо», 2024

*И снова с любовью — Анне Терезе,
а также ее дочери и
дочери ее дочери*

Предисловие

Это истории о детстве и юности, собранные во-едино после многолетней обработки — да, именно многолетней, ибо для меня процесс завершения рассказа всегда связан с мучительным напряжением и преодолением самой себя. Например, рассказ «Король Билли — джентльмен» получился буквально сразу от первой строки до последней, но мне понадобилось целых двенадцать лет, чтобы окончательно доделать середину. Рассказы уже в процессе их написания как бы сами собой превращаются в нечто новое, порождают другие истории, даже если ты этого и не замечаешь, и в итоге первый вариант оказывается всего лишь неким промежуточным звеном, «репетицией» второго варианта, второй — третьего и так далее.

Все мои рассказы проистекают из вопросов, которые я задавала себе о ранних годах своей жизни. Однако не могу утверждать, что, препарирруя собственную жизнь и облекая ее в художественную форму, я как бы складывала пазлы, хоть и вынуждена признаться: отдельные детальки этих «пазлов» я все же по-своему переставляла. Я выросла в дерев-

не на севере Англии, на самой границе Скалистого края, в графстве Дербишир, где происходит действие моего романа «Фладд» (Fludd). Собственно, это была даже не деревня, а промышленный поселок с несколькими почерневшими от сажи текстильными фабриками и крутыми улочками, сплошь застроенными рядами стандартных холодных домов, столь характерных для рабочих районов Англии. Мои предки, как и предки многих местных жителей, прибыли из Ирландии в поисках работы, и, хотя ко времени моего появления на свет кровопролитных сражений на улицах уже практически не возникало, все же первое, что тебе становилось известно о каждом из твоих соседей, это его вероисповедание. Моральное состояние и нравы представителей римско-католического меньшинства в высшей степени подробно освещались священниками во время проповедей, а в итоге всеми нами, и протестантами, и католиками, руководили слухи и сплетни.

Несмотря на то внимание, которое католики уделяют вопросам морали, моя мать — мне тогда было лет семь — позволила собственному любовнику поселиться у нас в доме. И в итоге года четыре я прожила как бы с двумя отцами. Ситуация в целом сложилась настолько необычная, что если бы я поместила ее в рассказ, так сказать, «во всей красе», то она попросту выдавила бы оттуда все прочие элементы сюжета. А потому в моих рассказах «гости» превращаются в «отцов», а брошенные отцы убегают из дома, растворяясь в голубой дали, и все эти персонажи существуют в некоем странном переплетении судеб, точно голоса фуги. Никто из этих персонажей

моим настоящим отцом не является, зато все они как бы позволяют другим персонажам и другим нитям сюжета существовать рядом с ними внутри одного повествования. Так что автобиографическими я бы эти рассказы не назвала; скорее уж их можно назвать *автоскопическими*, ибо они дают мне возможность и даже простор для выражения моих собственных воззрений. Оглядываясь назад — с приличного, надо сказать, расстояния и как бы сверху, — я, точнее мое писательское «я», вижу себя как какое-то существо, уменьшившееся до размеров ракушки и ждущее, когда его наполнят плотью фраз. Очертания этой «ракушки» приблизительно совпадают с очертаниями моего тела, однако ее как бы окружает некая полутень, *penumbra*, оставляющая возможность для обсуждения и переоценки.

Мне было одиннадцать, когда в результате переезда в другой город я лишилась одного из отцов и обрела новую фамилию. Шок, испытанный мной в связи с обретением нового социального статуса, описан в маленьком рассказе, основные темы которого — деление общества на классы, снобизм и борьба за право быть услышанной, а сюжет вполне соответствует действительности, за исключением пары вполне реальных событий. А рассказ «На третий этаж» повествует о моей матери и ее поздно расцветшей карьере; это почти настоящий мемуар. Зато в последнем рассказе сборника, «С чистого листа», обе героини, мать и дочь, мной придуманы, а вот место действия абсолютно реальное. Родственники моего английского дедушки, Джорджа Фостера, как раз и проживали в такой деревне, которую пришлось за-

Хилари Мантел

топить в связи со строительством водохранилища, снабжавшего водой крупные города северо-запада. Многочисленные истории о затонувших селениях, столь популярные во времена моего детства, и меня затащили в ту болотистую трясиину, что раскинулась между мифом и реалистическим рассказом о прошлом; с тех пор я так и бреду по колено в воде.

Хилари Мантел,
декабрь 2020

КОРОЛЬ БИЛЛИ — ДЖЕНТЛЬМЕН

Сейчас я никак не могу выбросить из головы мысль о том, как же крепко большой город сжимал своими щупальцами тот фабричный поселок, где я родился. Поселок наш находился слишком близко от огромного Манчестера, чтобы проявлять самостоятельность и жить собственной жизнью. Зато у нас имелось регулярное железнодорожное сообщение, и поезда действительно ходили по расписанию, так что не требовалось ни подстергать неожиданно прибывший поезд, ни изучать привычки данного железнодорожного узла. А вот самих манчестерцев мы не любили. «Как же, городские! Да еще и сквоттеры — селятся на чужой земле и всё хитрят, так что хитрость из ушей лезет!» — примерно таково, по-моему, было наше отношение к жителям Манчестера; мы гнусно ухмылялись, слыша, как неразборчиво-слитно они произносят знакомые слова, и непритворно жалели их за неказистую внешность. Моя мать, например, стойкая последовательница ламаркизма, была убеждена: у всех манчестерцев непропорционально длинные руки вследствие того, что многочисленные поколения этих людей

трудились у ткацкого станка. И подобное отношение сохранялось до тех пор (но это было уже гораздо позже), пока с лица земли не стерли одно из поселений «розовых»¹, а самих людей сотнями не переселили в другое место — так бывает, когда деревца начинают пересаживать на Рождество, а чтобы они получше прижились, их корни перед посадкой погружают в кипяток. А в общем-то до этого случая нам особо и не требовалось иметь какие-то дела с городскими жителями. Однако на вопрос, был ли я по-настоящему деревенским мальчишкой, я сразу отвечаю: нет, деревенским я точно не был. Наши местные нагромождения камней и сланцевых плит, добела исхлестанных жестокими ветрами и грубыми языками местных сплетников, никогда и не пытались соревноваться с благодатными сельскими угольями Англии, с теми ее районами, где любят танцевать моррис, где существуют стипендии, студенческие братства и научные общества и где рекой течет старый добрый эль. Нет, наша местность, истерзанная непогодой, бесплодная и почти лишенная растительности, была похожа на лагерь для пересыльных, и жизни в ней было свойственно то же мертвящее постоянство, что и такому месту. Снег у нас в горах лежал до апреля.

Жили мы в верхнем конце поселка, и я был абсолютно убежден, что в нашем доме водятся привидения. Отец мой к этому времени из нашей жизни уже исчез, но, возможно, его дух, долговязый

¹ То есть правых лейбористов-социалистов. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

и мертвенно-бледный, все же проскальзывал порой в дверь вместе со сквозняком, и тогда шерсть на загривке нашего терьера неизменно вставала дыбом. Отец был обычным конторским служащим, но у него было любимое хобби: он обожал разгадывать кроссворды и рассказывать всякие невероятные истории, причем во время рассказа запросто мог и приврать немного; а еще он любил несложные карточные игры и коллекционировал этикетки с сигаретных пачек. Однажды ветреным мартовским днем, в десять утра, отец просто взял и ушел из дома, захватив с собой только свои альбомы с наклейками и твидовое пальто; все свое белье и рубашки он оставил; мать потом все перестирала и выставила на грошовую благотворительную распродажу. Мы по нему не слишком скучали, вот только не хватало той песенки Pineapple Rag, которую он часто наигрывал на пианино.

А потом у нас появился этот Жилец. Он прибыл с еще более дальнего севера, и говор у него был протяжный, он в каждом слове так с удовольствием растягивал гласные, словно готовил из них некое блюдо, тогда как сами мы гласные зачастую глотали. Жилец оказался типичным холериком с крайне низкой температурой мгновенного возгорания. А еще он был весьма непредсказуем, и если нам хотелось знать, чего от него ожидать в ближайшем будущем, то следовало затаиться и очень внимательно за ним наблюдать, включив не только интуицию, но и все прочие органы чувств. Этот опыт очень пригодился мне, когда, став старше, я заинтересовался орнитологией и мне понадобилось подолгу наблюдать за

птицами. Но это опять же было значительно позже, а тогда у нас в деревне и птиц-то никаких интересных не было, одни воробьи да скворцы, ну и еще голуби, пользовавшиеся крайне дурной репутацией, однако с самым важным видом разгуливавшие по тамошним узким улочкам.

Сперва Жилец мной заинтересовался и стал звать меня на улицу, чтобы поиграть в футбол. Но я был не слишком крепким ребенком, да и умения у меня не хватало, хоть я, может, и был бы рад доставить ему удовольствие. Мяч как-то сам собой, точно шустрая зверушка, проскальзывал у меня между ногами. А когда меня одолевал очередной приступ удушливого кашля, Жилец просто пугался. Он сердито называл меня неженкой и тряпкой, но на лице у него был отчетливо написан страх. Впрочем, довольно скоро он, по-моему, решил списать меня со счетов. Я, во всяком случае, стал чувствовать, что раздражаю его. Обычно я ложился спать рано и подолгу лежал без сна, слушая стук, грохот и крики, доносившиеся снизу; дело в том, что Жильцу ссоры были столь же необходимы, как утренний завтрак. Наш терьер, желая поддержать компанию, тоже начинал рычать и тявкать, а через какое-то время я слышал, как мать, шмыгая носом, взбегает по лестнице наверх и что-то тихонько бормочет себе под нос. Однако расставаться с Жильцом она вовсе не собиралась, и я совершенно точно знал, что она так и намерена держать его при себе. Он приносил домой в конверте всю свою зарплату — а таких денег у нас в доме никогда прежде и не водилось — и первым делом вручал матери плату за квартиру, а затем швырял кон-

верт с деньгами на стол, и тогда уже мать сама, засунув в конверт свои маленькие пальчики с острыми ноготками, выдавала Жильцу несколько шиллингов на пиво и прочие вещи, которые, по ее разумению, непременно требовались мужчине. Мне она говорила, что у нашего Жильца во-о-от такие премиальные да к тому же он вскоре получит должность мастера, и вообще он наша жизненная удача. Наверное, если б я был девочкой, она бы мне и еще кое в чем призналась, но я и без этого вполне общую ситуацию улавливал: ясно было, к чему все клонится. И еще долго после того, как внизу стихали топот и крики, переставала лаять и успокаивалась собака, я продолжал лежать неподвижно не в силах уснуть и следил, как по углам расползаются темные тени; порой я задремывал, мечтая, чтобы меня больше не преследовали ни мысли, ни призраки и чтобы за одну ночь разом прошло несколько лет, и тогда, проснувшись, я был бы уже взрослым мужчиной. Проваливаясь в сон, я грезил о том, что в стене вдруг откроется маленькая волшебная дверца, я пройду в нее и окажусь в другой стране, где стану маленьким королем, страдающим астматическими приступами. И в этой стране, которой я отныне буду править, законом будут запрещены всякие ссоры. Затем ночь кончалась, наступал рассвет вполне реальной жизни, и, предположим, оказывалось, что сегодня суббота, а значит, мне так или иначе придется играть в саду.

Сад располагался за домом и представлял собой длинную узкую полоску земли, окруженную ветхой изгородью и незаметно переходившую в серый, вытоптаный коровами луг. За лугом раскинулись бо-